

Ричард Бакл

**Вацлав Нижинский
новатор и любовник**

УДК 820(73)
ББК 84(7Coe)
Б19

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление *И.А. Озерова*

Фото на обложке Fotobank

Бакл Р.
Б19 Вацлав Нижинский. Новатор и любовник. — Пер. с
англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф,
2001. — 494 с.

ISBN 978-5-521-85522-3

В книге повествуется о короткой, но необычайно яркой творческой судьбе и
жизненной драме Вацлава Нижинского, которого современники называли богом танца,
чьим талантом восхищался Шаляпин, кому рукоплескала театральная публика мно-
гих европейских столиц. Автор опирается на обширный, порой уникальный докумен-
тальный материал, воспоминания современников великого танцовщика.

УДК 820(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-521-85522-3

© Перевод, ЗАО «Издательство «Центр-
полиграф», 2001
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф»,
2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — во многом плод совместных усилий. Самое большее, что я предполагал сделать, начиная ее, — это сопоставить множество воспоминаний и статей, написанных людьми, которые работали с Дягилевым и Нижинским, и появившихся после опубликования в 1933 году воспоминаний Ромолы Нижинской о жизни мужа. Отсеивание лжи от правды и приведение свидетельств в некий порядок, казалось, оправдывало появление еще одной биографии. Но я никак не предполагал, что сотрудничество с теми, кто жил и работал рядом с Нижинским, окажется настолько увлекательным.

С некоторыми друзьями, родственниками, коллегами и последователями Нижинского мне довелось побеседовать рядом с домом, с другими — в далеких краях. Мои встречи с госпожой Мари Рамбер происходили в Кью-Гарденз, в Холланд-парке и у нее дома в Кемпден-Хилл. С мадам Карсавиной я встречался в ее прелестном доме в Хампстеде. Мистер Мясин поделился своими воспоминаниями, скоротав два вечера за обедом в отеле «Фалкон» в Страдфорде-на-Эйвоне. Мадам Наталья Дудинская, ныне возглавляющая школу, где учился Нижинский, показала мне в Петербурге декорации и костюмы его ранних ученических работ. Я разговаривал о нем с мистером Пьером Владимировым в офисе школы «Американ балле» в Нью-Йорке и с мадам Людмилой Шоллар в Балетной школе Уильяма Кристенсена в Сан-Франциско. Когда я в первый раз встретился с мадам Брониславой Нижинской в ее маленьком домике, примостившемся высоко на нависшей скале в Пасифик-Палисейдс неподалеку от Лос-Анджелеса, мне показалось, будто я действительно пришел на край земли и приблизился к подлинному хранителю правды о Нижинском. Второй муж Брониславы умер только десять лет назад, она плохо слышала и не говорила по-английски, кроме того, она уже давно сама писала книгу о своем брате. Однако она посвятила два дня ответам на мои вопросы и сообщила мне сведения, которых я ранее не знал. Этой беседой я обязан ее дочери Ирине Нижинской-Раетц, с которой за день-два до этого меня познакомила моя приятельница Тамара Туманова и которая выступила в роли переводчика.

Именно героической мадам Ирина два года спустя, когда ее мать ставила балет во Флоренции для «Маджо Музикале», прочла все двести

тысяч слов моей книги вслух (к тому же очень громко) мадам Брониславе, переводя их на русский язык. Это происходило главным образом по ночам в спальне отеля, так что соседи стучали в стену. Затем я встретил мадам Брониславу и Ирину уже в Париже, тоже в отеле, вместе с Дейвидом Дугиллом, делавшим заметки, и получил их комментарии и исправления. Мадам Ирина разумно подсказала мне, что в книге подобного рода не следует давать подробные описания техники танца. Насколько это было возможно, я воспользовался ее советом и свел их до минимума.

К тому времени мадам Ромола Нижинская уже внимательно прочла мою книгу за неделю, проведенную в отеле «Кавендиш» на улице Джермин. В тот день, когда лошадь по кличке Нижинский выиграла две тысячи гиней, она приехала в мою квартиру в Ковент-Гарден, переполненная впечатлениями от скачек (она смотрела их по цветному телевизору в Доме телевидения рядом с отелем «Уолдорф», где ее муж провел свои первые ночи в Англии), чтобы предоставить мне подробные замечания по поводу рукописи. Я учел все ее предложения и исправления. Несколько месяцев спустя, летом 1970 года, я снова встретился с мадам Ромолой, мадам Брониславой и мадам Ириной в отеле «Кавендиш», и эта беседа тоже повлекла за собой значительные исправления. Впоследствии мадам Ромола Нижинская прочла и одобрила окончательный вариант книги.

Мистер Стравинский через посредство мистера Крафта ответил на ряд вопросов и прояснил несколько деталей. Он также прочел некоторые главы и внес свои замечания. Мистер Григорьев ответил на подробный вопросник, а ответы записала его жена мадам Чернышева. К моему огромному сожалению, они оба, и мистер Стравинский, и мистер Григорьев, умерли, пока книга готовилась к печати.

Я бесконечно благодарен друзьям и коллегам Нижинского, его партнерше, композитору «Весны священной», главному хранителю классических традиций в его старой школе, его сестре, племяннице и жене за помощь в создании этой книги.

Другими участниками дягилевского балета, нашедшими время помочь мне или ответить на письма, были мадам Дубровская, мадам Соколова, мадам Лопухова, ныне покойная Хилда Бьюик (миссис Арфа), мисс Мария Шабельская, мистер Станислав Идзиковский, мистер Долин и этот удивительный дирижер — покойный Эрнест Ансерме.

Если бы лет двадцать назад я предполагал, что буду писать о жизни Нижинского, насколько больше можно было бы узнать от известных людей, умерших за это время! Какие вопросы мне следовало задать Александру Бенуа и Жану Кокто! Но я поистине наслаждался дружбой с леди Джульет Дафф и многое позаимствовал из наших бесед, а также из ее эссе о Дягилеве, которое ей при жизни не суждено было увидеть опубликованным.

Я никогда не был знаком с мадам Валентиной Гюго (урожденной Гросс), скончавшейся в 1968 году, но благодаря любезности месье Жана Гюго, первой женой которого она была, получил доступ ко множеству записей и набросков. Она была не только самой неутомимой художницей, увековечившей Нижинского во всех его ролях, но и намеревалась

написать его биографию. Это желание не осуществилось, но надеюсь, она одобрила бы эту книгу, созданную при ее посмертном участии.

Я испытываю огромный долг благодарности по отношению к моему старому другу мистер Эрику Олпорту, пригласившему меня поехать вместе с ним в Россию еще до того, как созрело решение написать эту книгу. Таким образом впоследствии я смог дать описание Ленинграда, что называется, из первых рук. Настойчивости, энтузиазму и щедрости мистера Линколна Керстайна я обязан путешествием в Соединенные Штаты, включая Калифорнию, и знакомство и с бумагами Астриюка в Музее и Библиотеке Исполнительских искусств в Линкольн-центре в Нью-Йорке.

Габриель Астриук, самый просвещенный и смелый музыкальный импресарио, способствовал первым триумфам Русского балета в Париже и дорого за это заплатил. Его переписка с Дягилевым, сохранившаяся в Линкольн-центре, о которой я не узнал бы без подсказки мистера Керстайна, внесла ясность во многие важные вопросы, помогла установить точные даты и стала наиболее ценным документом для изучения истории русского балета. Мадемуазель Люсьен Астриук, дочь импресарио, стала моим другом со времени Дягилевской выставки и предоставила мне много ценных материалов, которые когда-нибудь окажутся в Лондонском музее театрального искусства.

Некоторые танцоры помогли мне, предоставив сведения о хореографии балетов. Мадам Карсавина описала, изобразила мимически и станцевала отрывки из «Павильона Армиды», с этим же балетом помогли мадам Шоллар и мистер Вильтзак. Мисс Аманда Нотт из «Балле Рамбер» внесла коррективы в мое описание «Послеполуденного отдыха фавна», то же сделал и мистер Василий Трунов из «Фестивал балле» с «Шехеразадой», только по памяти и с помощью граммофонной пластинки.

Месье Жан Гюго предоставил мне полезную информацию о парижском обществе в первые годы дягилевского балета. Мадам Жан Гюго взяла на себя труд разузнать, кто был хозяином той коллекции картин Гогена, которая произвела столь сильное впечатление на Нижинского. Месье Филипп Жюлиан был настолько добр, что помог установить число людей, внесенных в список присутствовавших на первой знаменитой генеральной репетиции в 1909 году. Я искренне благодарю этих французских друзей. Мадам Наталья Дудинская предоставила мне список ролей Нижинского в Мариинском театре, а также старую фотографию Театральной улицы, и я очень благодарен ей за помощь.

По совету мадам Брониславы Нижинской я связался с выдающимся историком балета мадам Верой Красовской, которая прочла мою главу о ранних годах Нижинского и предоставила факты из ленинградских источников, к которым у меня ранее не было доступа. Кроме сделанных ею многочисленных замечаний, тем более ценных, что они отражают точку зрения русских, она приложила огромные усилия для того, чтобы узнать правду о некоторых особых событиях в творчестве Нижинского — например, о его появлении в «Доне Жуане» незадолго до окончания училища, так что благодаря ей эта информация публикуется, быть может, впервые. Мой долг перед ней огромен так же, как и моя благодарность.

Я должен выразить свою сердечную признательность мисс Женеьеве Озуалд, хранителю собрания литературы по танцевальному искусству Нью-Йоркской публичной библиотеки при Музее и Библиотеке исполнительских искусств, а также персоналу следующих библиотек: Национальной библиотеки, библиотеки Арсенала и библиотеки Парижской оперы, читального зала Британского музея, газетной библиотеки Британского музея, Коллиндейл и Королевской оперы, «Ковент-Гарден».

Начатую мной исследовательскую работу в Америке закончил мистер Брайан Блэквуд, который к тому же провел необходимые изыскания в Париже. Мистер Дейвид Дугилл работал в этом же направлении в Лондоне. Эти двое коллег оказали мне неоценимую помощь в работе над книгой.

Первым призвали на помощь мистера Блэквуда из-за его музыкальных способностей. Он сам готовил книгу о музыкальной стороне балетов Дягилева и в 1969—1970 годах потратил немало времени на то, чтобы восполнить пробелы в моем знании музыкальной техники. Так как я в некоторых случаях счел возможным описать хореографию балетов, которые исполнял или ставил Нижинский, мне показалось правомерным одновременно привести и аналогичные сведения о музыке. Поэтому мы вместе приступили к работе. Было трудно решить, насколько далеко следует заходить, потому что это не учебник по музыке, в той же степени, в какой и не книга по технике балета. Если бы это была книга мистера Блэквуда, он, безусловно, более глубоко погрузился бы в детали, и я должен принять вину на себя, если читатель сочтет, что мы внезапно прервали «анализ» партитуры, точно так же я несу ответственность за все описательные фразы, которые музыканту могут показаться слишком вычурными и неточными. Мистер Блэквуд исполнял для меня на пианино в музыкальной библиотеке Совета Лондонского университета партитуры некоторых почти забытых балетов, таких, как «Павильон Армиды» и «Синий бог», которые никогда не были записаны на пластинки.

Что касается «Весны священной», наиболее значительной партитуры, с которой нам пришлось иметь дело и которую было особенно трудно интерпретировать, то мистер Блэквуд подготовил первоначальный анализ, я добавил несколько собственных мыслей, затем сократил фрагмент наполовину. Мистер Стравинский и мистер Крафт прочли черновик, сделали несколько замечаний и одобрили по крайней мере одну точно сформулированную фразу. Но я был далеко не удовлетворен и в отсутствие мистера Блэквуда два вечера подряд прослушивал запись балета в загородном доме вместе со своим соседом композитором Томасом Иствудом, вдвоем мы составили более полное описание. Так что некоторые мысли принадлежат мистеру Блэквуду, некоторые — мистеру Иствуду, а некоторые мне. Затем этот набросок был снова послан для оценки мистеру Стравинскому и мистеру Крафту.

Как-то воскресным полуднем в Дорсете мой коллега мистер Дезмонд Шоу-Тейлор дал мне прослушать запись Четырнадцатой рапсодии Листа, и вместе с ним и мистером Джоном Брайсоном, с которым мы сотрудничали на выставках, посвященных Дягилеву и Шекспиру, мы обсуждали, какой балет Дягилев мог создать на ее основе.

Таким образом, многие друзья обогатили содержание книги новыми сведениями. Среди них покойный Антонио Гандариллас; мистер Алек-

сандр Черепнин; мистер Филип Дайер, которого в детстве Дягилев трепал по головке; кстати, он был моим ассистентом при организации Дягилевской выставки, а теперь работает в нашем зарождающемся музее театрального искусства; мой коллега мистер Феликс Апрахамиян; мадам Надя Лакост, директор Центра прессы в княжестве Монако; баронесса Будберг; мистер Миклош де Шакац, бывший муж младшей дочери Нижинского; леди Диана Купер; барон Тассило фон Ватцдорф; мистер Роланд Крайтон; мистер Найджел Гозлинг; мистер Х.С. Ид; мистер Харолд Розенталь; мистер Реймонд Мандер и мистер Джоу Митченсон; мистер Ричард Дейвис; мистер Джон Питер; мистер Стьюарт Никол из Королевских почтовых линий; мистер Данкан Грант; месье Борис Кохно.

Большая часть книги была создана в уединенном коттедже в Уилтшире, и я, пока писал ее, порой по несколько дней подряд не видел никого, кроме почтальона. Если бы несколько добросердечных соседей не подбадривали и не развлекали меня по вечерам, я, наверное, впал бы в меланхолию и бросил работу, так что я с удовольствием благодарю за постоянное гостеприимство мистера и миссис Джон Арундел (она правнучка леди Рипон и внучка леди Джульет Дафф) и их детей; мистера и миссис Джулиан Брим; мистера и миссис Томас Иствуд; миссис Эдмунд Фейн и мистера Сесила Битона, которые своим энтузиазмом и вниманием вдохновляли меня на творческую работу.

Мистер Дейвид Дугилл терпеливо печатал и перепечатывал множество вариантов каждой главы, снимая копии с бесконечных вставок и исправлений в пяти экземплярах. Когда наш труд близился к завершению и мы уже несколько раз нарушили крайние сроки, он подготовил набросок предпоследней главы, включающей газетные заметки и ранее не опубликованные подробности о гастрольях балета по Сетверной Америке. Он также работал со мной над примечаниями, и, думаю, без его помощи мне не удалось бы с ними справиться. (У меня было столько источников информации, что я нередко забывал, откуда что почерпнул.) Наконец, мистер Дугилл завершил свой труд, собственноручно составив указатель.

Январь и февраль 1970 года можно назвать последним рывком. Мистер Блэквуд, мистер Дугилл и я работали в соседних комнатах в моей квартире в Ковент-Гарден, а в четвертой комнате, оказав нам большую честь, разместилась миссис Маргарет Пауэр. Из дружеских чувств ко мне и из преданности памяти Нижинского она пришла нам на помощь: печатала, исправляла, вносила дополнения, критиковала и улучшала. Старейшая из балетоманов этой страны, она в конце последней войны стала добрым другом Нижинских в Вене. Позже она продолжала заботиться о Нижинском в Англии, а после его смерти продолжала дружить с его вдовой. Она была поистине нашим добрым гением.

Первоначально я намеревался закончить книгу болезнью Нижинского. По просьбе мистера Энтони Годуина из «Уэйденофелд и Николсон» я добавил еще одну главу, доведя рассказ до смерти Нижинского, — она была написана летом 1970 года.

Во время перезахоронения Нижинского в Париже летом 1953 года я собирал материал для Дягилевской выставки, которую планировалось организовать в рамках Эдинбургского фестиваля в 1954 году, чтобы отметить двадцать пятую годовщину смерти Дягилева. Меня попросили об этом толь-

ко потому, что я был известен как балетный критик, интересовавшийся временем Нижинского и Дягилева, и от меня многого не ждали — только подобрать несколько рисунков и портретов и разместить их на стене, но меня все больше и больше поглощала «сыскная» деятельность и необходимая для этих сборов переписка, и мне помогали многие старые друзья и сотрудники Дягилева, такие, как леди Джульет Дафф и Александр Бенуа. Я изобрел демонстрационную технику, которую сочли новой для своего времени, и в результате приобрел вторую специальность — проектировщик выставок. В 1968-м и 1969 годах я составлял каталоги гардероба Дягилева, выставлявшиеся на аукционе «Сотби». Эти торги привели к созданию в Лондоне Музея театрального искусства с отделами драмы, оперы и балета, и я надеюсь, что вскоре он разместится по соседству с «Ковент-Гарден». Для нашего музея мы приобрели некоторые костюмы Нижинского, его портреты, эскизы Валентины Гросс и костюмы его великого балета «Весна священная» — все в хорошем состоянии, так как их очень редко надевали за эти годы. Наш музей представляет собой конечный результат длинной цепи событий, которая берет начало с фотографии Нижинского в «Призраке розы», помещенной на обложку книги его жены. Впервые я увидел эту книгу на станции лондонской подземки Ливерпуль-стрит почти полжизни назад.

